

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА И ДРУГОГО ВЛАДЕНИЯ ЛИЦА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ

Иван ПРИСЯЖНИК,

кандидат юридических наук, ректор
Национальной академии прокуратуры Украины,

Summary

The article investigates the problems associated with realization of the principle inviolability of home and other property in the criminal process of Ukraine. Found its concept and essence. Correlated the normative regulation of this principle in Ukraine and other European countries. Made the conclusion about the need to expand the powers of the prosecutor in part of authorization for entry into a house without a determination of the investigating judge, in exceptional cases. Based on the provisions of international legal acts and national legislation identified the criteria of legal restrictions of the principle of inviolability of the home and other property.

Key words: principle inviolability of home and other property of a person, pre-trial criminal proceedings, investigating judge, European Court of Human Rights, prosecutor.

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблем, касающихся реализации принципа неприкосновенности жилища и другого владения в уголовном процессе Украины, определены его понятие и сущность. Сопоставлены нормативная регламентация указанного принципа в Украине и других странах Европы. Сделан вывод о необходимости расширения полномочий прокурора в части предоставления разрешения на осуществление проникновения в жилище без определения следственного судьи в исключительных случаях. Исходя из положений международных нормативно-правовых актов и законодательства Украины, определены критерии законного ограничения принципа неприкосновенности жилища и другого владения лица.

Ключевые слова: принцип неприкосновенности жилища и другого владения лица, досудебное уголовное производство, следственный судья, Европейский суд по правам человека, прокурор.

Постановка проблемы. Тре-
бование неприкосновенно-
сти жилища как проявления уважения
личной и семейной жизни относится
к числу общепризнанных принципов
международного права, поскольку за-
креплено в ряде международно-право-
вых актов: Всеобщей декларации прав
человека, принятой Генеральной Ас-
самблей ООН 10 декабря 1948 года,
Международном пакте о гражданских
и политических правах, принятом Ге-
неральной Ассамблеей ООН 16 декабря
1966 года, Конвенции о защите прав
человека и основных свобод, принятой
Советом Европы 4 ноября 1950 года.

Исходя из содержания указанных
международно-правовых актов, Консти-
туция Украины гарантирует каждому
право на неприкосновенность жилища,
предусматривает, что никто не вправе
проникать в жилище или другое владение
лица иначе как по мотивированному
решению суда (ч. 2 ст. 30). Лишь в
неотложных случаях, связанных со спасением
жизни людей и имущества, или
в связи с непосредственным преследованием
лиц, которые подозреваются в
совершении преступления, возможен
другой установленный законом порядок
проникновения в жилище или иное владение
лица, проведение в них осмотра
или обыска (ч. 3 ст. 30).

С точки зрения защиты прав и
свобод человека указанные конститу-
ционные нормы имеют важное значе-
ние, именно поэтому в действующем
Уголовном процессуальном кодексе
Украины (далее – УПК Украины) они
нашли отражение как принцип уголов-
ного производства и были конкретизи-
рованы. Вместе с тем УПК Украины
предусматривает ряд норм – правил
поведения, которые ограничивают
действие этого принципа. Так, в ч. 3
ст. 233 УПК Украины предусмотрено
право следователя, прокурора до по-
становления определения следствен-
ного судьи войти в жилище или другое
владение лица в некоторых случаях, а
также механизм приобретения доказа-
тельственного значения информацией,
полученной в результате таких дей-
ствий. Анализ правоприменительной
практики свидетельствует об отсут-
ствии единого подхода к применению
указанной нормы в части оценки не-
отложности случаев проникновения
в жилище или другое владение лица,
юридического значения согласия на
проникновение его владельца, доста-
точности полномочий следователя,
прокурора на осуществление указан-
ных процессуальных действий.

С учетом изложенного **целью ста-
тьи** является определение проблем,

касающихся реализации принципа не-
прикосновенности жилища или друго-
го владения лица в уголовном процессе
Украины, осуществление сравнитель-
ного анализа норм, которые его огра-
ничивают, в законодательстве Украины
и стран Европы, установление соответ-
ствия их позиции Европейскому суду
по правам человека (далее – ЕСПЧ).

**Изложение основного материала
исследования.** Сравнительный анализ
норм национального уголовного про-
цессуального законодательства Украи-
ны и положений международно-право-
вых актов позволяет сделать вывод
о том, что формулировка указанного
принципа в них отличается. Так, в ст. 8
Европейской конвенции по правам че-
ловека закреплено право каждого на
уважение его личной и семейной жиз-
ни, его жилища и его корреспонденции.
Предусмотрены следующие ограниче-
ния указанного права: «Не допускается
вмешательство со стороны публичных
властей в осуществление этого права,
за исключением случаев, когда такое
вмешательство предусмотрено зако-
ном и необходимо в демократическом
обществе в интересах национальной
безопасности и общественного поряд-
ка, экономического благосостояния
страны, в целях предотвращения бес-
порядков или преступлений, для охра-

ны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц» [1].

Таким образом, в этой статье не закреплены гарантии неприкосновенности другого владения, что предусмотрено Конституцией Украины и УПК Украины. Кроме того, в ч. 2 ст. 233 УПК Украины определены понятия как жилища, так и другого владения лица. Также Европейская конвенция предусматривает больше, чем в национальном законодательстве, возможностей для ограничения права лица на неприкосновенность жилища.

Следует отметить, что в ряде своих решений (например, в делах «Нимитц против Германии» от 16.12.1992, «Бук против Германии» от 28.04.2005) ЕСПЧ разъясняет, что понятие «жилище», указанное в ст. 8 Конвенции, охватывает не только жилище физических лиц, оно может означать офисные помещения, принадлежащие физическим лицам, а также юридическим, их филиалы и другие помещения.

Рассматривая сущность принципа неприкосновенности жилища или другого владения лица, следует остановиться на самом понятии неприкосновенности жилища. Так, Ю.П. Аленин определил этот термин как обязанность государства удерживаться от осуществления действий со стороны его органов власти и служебных лиц, связанных с тайным или открытым вторжением в какой-либо форме в жилище как с преодолением сопротивления людей, так и беспрепятственно, а также с помощью разных способов, позволяющих осуществлять какие-либо действия в жилище [2, с. 42].

Е.О. Вологина считает, что неприкосновенность жилища – это право на государственную охрану жилья граждан, которые владеют им на основании договора найма или на праве собственности, а также временного жилья (комната в общежитии, отеле, доме отдыха, санатории, пансионате) от незаконных обысков, вымог, ареста, переселений, выселений и других вторжений без согласия лица, которое в нем проживает, со стороны как должностных лиц, так и отдельных граждан [3, с. 128].

С точки зрения Л.Д. Воеводина, неприкосновенность жилища является правом гражданина на государственную охрану жилищного и подсобного помещения, которое арендуется и при-

надлежит ему на праве частной собственности, от незаконного вторжения как служебных лиц, так и отдельных граждан [4, с. 293].

О.П. Кучинская предложила рассматривать термин «неприкосновенность» как определенное состояние объекта, соответственно, как особое правовое состояние личного, индивидуального и недоступного другим лицам места, предназначенное охранять и гарантировать комфортное проживание, протекание необходимых процессов жизнедеятельности человека, сохранение информации о личной жизни, личных и семейных тайнах, гарантировать недопустимость нежелательного сбора и распространения указанной информации незаконными способами и приемами как со стороны граждан, так и государства в лице его органов и служебных лиц [5, с. 127].

Таким образом, можно выделить следующие положения, отражающие сущность этого принципа:

- закрепление гарантий его соблюдения на конституционном уровне;
- право на жилище и другое владение имеет каждое лицо в государстве;
- обязанность обеспечения указанного права возложена на государство;
- четко предусмотрен механизм ограничения этого права: или при наличии добровольного соглашения лица, или на основании решения суда;
- неприкосновенность жилища и другого владения включает неприкосновенность любого предмета, который в них находится, а также частной и семейной жизни лица, тайны разговоров в этом в этом жилище или другом владении, т.е. является комплексным понятием;
- ограничение права на неприкосновенность жилища и другого владения без вынесения определения судом допускается только в исключительных случаях, связанных со спасением жизни и имущества или непосредственным преследованием лиц, которые подозреваются в совершении преступления;
- предусмотрена ответственность за нарушение этого права и иные негативные последствия, например, связанные с невозможностью использовать в качестве допустимых доказательств информацию, полученную в результате незаконного обыска.

Таким образом, принцип неприкосновенности жилища устанавливает пределы допустимого вмешательства государственных органов в осуществление лицом права на неприкосновенность жилища при производстве по уголовному делу.

Европейский суд по правам человека рассматривает такое вмешательство как объективно необходимое условие обеспечения справедливого баланса «между интересами индивидуума и общества в целом» (решение ЕСПЧ по делу «Лопез Остра против Испании» от 09.12.1994), поэтому исключения из неприкосновенности жилища «требуют ограничительного толкования... и необходимость их использования в каждом конкретном случае должна быть четко установлена» (решение ЕСПЧ по делу «Функе против Франции» от 25.02.1993).

Помимо требований, сформулированных в ст. 13 УПК Украины, принцип неприкосновенности жилища конкретизирован в положениях Кодекса, регламентирующих проведение процессуальных действий, в частности в статьях 233, 234, 237 УПК Украины. Необходимость получения предварительного определения следственного судьи для ограничения неприкосновенности жилища при производстве следственных действий является одной из наиболее действенных гарантий, направленных на защиту прав проживающих в нем лиц от произвольного или чрезмерного вмешательства в их личную жизнь. В то же время закон допускает при определенных условиях в виде исключения проникновение в жилище или другое владение лица без определения следственного судьи.

Европейский суд по правам человека в ряде своих решений отметил, что государство обладает определенной сферой усмотрения при решении вопроса о вмешательстве в неприкосновенность жилища, в частности «статья 8 Конвенции не требует предварительного судебного разрешения на проведение обысков на дому и изъятий». Однако при этом в национальном законодательстве должны быть предусмотрены гарантии от злоупотреблений при ограничении неприкосновенности жилища, поскольку отсутствие требования предварительной судебной санкции может привести к тому, что органы следствия

будут располагать неограниченной свободой усмотрения при оценке наличия оснований для производства обыска и изъятия имущества. Например, такой гарантией может быть право лица обратиться в суд с жалобой на законность и обоснованность постановления об обыске (решение ЕСПЧ «Смирнов против РФ» от 07.06.2007). Указанная позиция суда нашла отражение в ч. 3 ст. 233 УПК Украины, в которой предусмотрены последствия проведения незаконного обыска: полученная информация подлежит уничтожению, а полученные доказательства являются недопустимыми. Обязанность оценки законности проведения такого обыска возлагается на суд.

На основании анализа практики Европейского суда по правам человека можно выделить следующие критерии допустимости ограничения права лица на неприкосновенность жилища:

1) наличие основания для вторжения в жилище в национальном законодательстве (решение ЕСПЧ по делу «Маклауд против Соединенного Королевства» от 23.09.1998). При этом закон должен быть доступен для заинтересованного лица с тем, чтобы у него была возможность предвидеть последствия его применения в отношении себя, а также чтобы закон не противоречил принципу верховенства права (решение ЕСПЧ по делу «Крюслен против Франции» от 24.04.1990);

2) осуществление вторжения исключительно в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц (например, обыск в офисе адвоката признан правомерным, поскольку он был направлен на предотвращение преступления и защиту прав других лиц) (решение ЕСПЧ по делу «Нимитц против Германии» от 16.12.1992);

3) вторжение должно быть необходимым в демократическом обществе для достижения указанных целей (решение ЕСПЧ по делу «Александрия против РФ» от 22.12.2008, «Класс (Klass) и другие против Федеративной Республики Германия» от 06.09.1978). При этом оценивается доступность эффективных гарантий против необоснован-

ных действий, предусмотренных национальным законодательством, а также то, как данные гарантии действовали в конкретном рассматриваемом деле. Европейский суд по правам человека учитывает тяжесть преступления, в связи с которым произошло ограничение неприкосновенности жилища; наличие судебного акта в отношении вторжения, а также то, был ли данный акт основан на разумном подозрении, а сфера его применения – в разумной степени ограничена; способ вторжения; его влияние на профессиональную деятельность и репутацию лица, чьи права были ограничены (решения ЕСПЧ по делу «Бак против Германии» от 28.04.2005, «Каменцинд против Швейцарии» от 16.12.1997).

В научной литературе выделены следующие критерии, которые позволяют отличить законное ограничение принципа неприкосновенности жилища и другого владения от незаконного: оно имеет правовую основу; его цель пропорциональна (соответствует) причиняемому вреду; действует временно; во время его применения не допускается какая-либо дискриминация; является подконтрольным суду; не применяется к абсолютно неприкосновенным правам и свободам; о его введении информируется мировое сообщество; параллельно с ним существует механизм возобновления незаконно нарушенных прав и свобод; в законе предусмотрена возможность обжалования [6, с. 85].

Следует отметить, что в практической деятельности органов правоохранительного характера серьезным препятствием является закрепление в ст. 233 УПК Украины случаев, когда следователь, прокурор имеют право без постановления определения следственного судьи проникнуть в жилище или другое владение лица исключительно с целью спасения жизни людей и имущества или непосредственного преследования лиц, которые подозреваются в совершении преступления. При этом имеют место ситуации, когда во время обыска на основании определения следственного судьи обнаруживаются другие помещения или владения лица, о существовании которых ни следователю, ни прокурору не было известно, однако есть основания считать, что в них могут находиться объекты, которые имеют доказательственное значение в уголовном

производстве. Таким образом, возникает ситуация, когда у следователя, прокурора отсутствует определение, на основании которого разрешено проникновение в это жилище или владение, однако есть основания считать, что в случае несвоевременного проведения обыска разыскиваемые предметы будут уничтожены или изменены, что сделает невозможным их дальнейшее использование в качестве доказательств.

В таком случае следственные судьи вынуждены применять положения Европейской конвенции по правам человека как нормы прямого действия, поскольку они содержат более расширенный перечень случаев проникновения в жилище лица.

С целью урегулирования указанного вопроса необходимо внести изменения в ч. 3 ст. 233 УПК Украины и предусмотреть возможность проникновения в жилище или другое владение в иных неотложных случаях на основании мотивированного постановления прокурора с обращением в дальнейшем к следственному судье с ходатайством о проведении обыска.

Указанная практика распространена в государствах Европы. Так, в Германии санкционирование обысков относится к компетенции суда. Однако в исключительных случаях прокурор и полиция (по разрешению прокурора) могут без распоряжения судьи провести отдельные следственные действия, в частности обыск. В Швеции прокурор также наделен полномочиями на проведение обыска. В Румынии прокуроры наделены исключительными полномочиями выдавать ордера на проведение обысков, которые не подлежат обжалованию [7, с. 160].

Также следует обратить внимание на противоречивое толкование положений ст. 233 УПК Украины в соотношении со ст.ст. 234, 237 УПК Украины в связи с ненадлежащей регламентацией в положениях указанной статьи следующих вопросов: возможно ли провести осмотр места происшествия, другие следственные (розыскные), процессуальные действия в жилище, если проникновение произошло на основании ч. 3 ст. 233 УПК Украины.

Таким образом, возникает необходимость уточнения в нормах УПК Украины перечня следственных (розыскных) действий, которые возможно

провести в жилище или другом владении лица в случае проникновения в него без определения следственного судьи на основании ч. 3 ст. 233 УПК Украины.

Современные доктринальные позиции в отношении этого вопроса являются общими и не предусматривают юридических оснований для проведения следственных действий в случае проникновения в жилище. Так, Л.Д. Удалова с целью разрешения указанных вопросов предлагает обратиться к конструкции, сформулированной в ч. 6 ст. 190 УПК Украины 1960 года, в части возможности провести осмотр места происшествия в жилище или другом владении по письменному согласию такого лица [8, с. 11]. Т.Г. Ильева предлагает в ст. 237 УПК Украины предусмотреть норму, в соответствии с которой в неотложных случаях осмотр места происшествия в жилище или другом владении лица проводится без определения следственного судьи и независимо от согласия лица на его проведение [9, с. 10].

И.В. Гловюк предлагает ст. 233 УПК Украины в ее современной формулировке извлечь из Кодекса вообще, перенести ее положения в ст. 13 УПК Украины, в которой закреплена неприкосновенность жилища и другого владения как принцип уголовного производства. При этом ч. 2 ст. 233 УПК Украины, определяющую понятие жилища и другого владения лица, предлагается переместить в ст. 3 УПК Украины. Порядок проведения осмотра в жилище и другом владении лица (в том числе без согласия лица, которое им владеет) предложено уточнить в ст. 237 УПК Украины [10, с. 218].

По нашему мнению, указанные вопросы будут исчерпаны, если ст. 233 УПК Украины дополнить ч. 4, в которой предусмотреть, что в случае проникновения в жилище или другое владение в неотложных случаях на основании ч. 3 указанной статьи в нем может быть проведен осмотр места происшествия, обыск, задержание лица и произведены иные необходимые процессуальные действия в порядке, предусмотренном Кодексом. Так, ЕСПЧ не признал нарушением Европейской конвенции по правам человека то, что наделенная соответствующими полномочиями полиция вошла в жилище с

целью осуществления ареста лица, совершившего преступление (решение по делу «Мюррей против Соединенного Королевства» от 28.10.1994).

Выводы. Вследствие того, что в УПК Украины предусмотрена неприкосновенность жилища или другого владения как принцип уголовного производства, в Украине установлены более широкие гарантии этого принципа по сравнению с международно-правовыми актами и с учетом практики Европейского суда по правам человека. При этом с целью усовершенствования уголовного процесса, обеспечения единства в правоприменении и законности действий субъектов уголовного производства, которые имеют отношение к разрешению вопросов, связанных с проникновением в жилище или другое владение, в УПК Украины необходимо внести ряд изменений. В частности, следует расширить полномочия прокурора, касающиеся принятия решения о проникновении в жилище или другое владение лица, и предусмотреть право органов досудебного расследования проводить в нем следственные (розыскные) процессуальные действия в случае такого проникновения.

Список использованной литературы:

1. Европейская конвенция по правам человека от 04.11.1950 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf.
2. Кримінально-процесуальне право України: [підручник] / [за заг. ред. Ю.П. Аленіна]. – Х. : ТОВ Одиссей, 2009. – 816 с.
3. Вологина Э.А. Конституционные вопросы неприкосновенности жилища / Э.А. Вологина. – Волгоград : ВСШ МВС СССР, 1976. – 158 с.
4. Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан / Л.Д. Воеводин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 300 с.
5. Кучинська О.П. Принцип недоторканності житла чи іншого володіння особи у кримінальному процесі / О.П. Кучинська // Вісник Академії адвокатури України. – 2012. – № 2(24). – С. 125–129.
6. Маляренко В.Т. Про недоторканність житла та іншого володіння особи

як засаду кримінального судочинства / В.Т. Маляренко // Кримінальний процес України: стан та перспективи розвитку. – К. : Ін Юре, 2004. – 345 с.

7. Грицаєнко Л.Р. Прокуратура в країнах Європи: [навч. посіб.] / [Л.Р. Грицаєнко]. – К. : БІНОВАТОР, 2006. – 400 с.

8. Удалова Л. Деякі проблемні питання правозастосування кримінального процесуального законодавства / Л. Удалова // Актуальні питання кримінального процесуального законодавства України (Київ, 26 квітня 2013 року): зб. матеріалів міжвузівської наукової конференції. – К. : Алерта, 2013. – С. 8–12.

9. Ильева Т.Г. Функція судового контролю у кримінальному процесі : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 «Кримінальний процес та криміналістика; судова експертиза; оперативно-розшукова діяльність» / Т.Г. Ильева. – К. : Національна академія внутрішніх справ, 2014. – 20 с.

10. Гловюк І.В. Стаття 233 КПК України: питання практичної реалізації / І.В. Гловюк // Молодий вчений. – 2015. – № 2(17). – С. 216–219.